

ОБЪЕВЮ

премьера

МОТЫГОЙ — ПО ЖАНРУ

в прокат выходит новый фильм Такеси Китано «Затоичи»

Игорь Потапов

Слепец с посохом мирно греется на солнышке, расположившись у придорожного валуна. Откуда ни возьмись появляются злобные самураи и начинают поносить бедного калеку. В долю секунды из недр посоха появляется клинок, пара обидчиков разрублена, остальные бегут. Превращение немощного инвалида в стремительного убийцу застает врасплох не только негодаев, но и зрителей — хотя уж публика-то должна знать, чего ожидать от слепого массажиста Затоичи. В конце концов в Японии этот персонаж столь же уважаем, как, например, в США — супергерои из комиксов.

После просмотра «Затоичи» зрителя, видевшего до этого хотя бы пару классических самурайских фильмов, не покидает ощущение подвоха. В самом деле, Такеси Китано превратил канонический сюжет о слепом массажисте-игроке-фехтовальщике по сути в мюзикл — с песнями, танцами и четкой в финале. Неожиданные музыкальные миниатюры, гениально исполненные профессиональными чечеточниками из труппы The Stripes, с самого начала привлекают внимание и сбивают с толку. Японские затейники, откровенно заимствуя идеи у коллег-англичан из всемирно известной Stomp, извлекают завораживающий ритм из ударов крестьянских мотыг, хлопанья сандалий по грязи, стука поленьев и так далее. В сочетании с музыкой Кейчи Сузуки эти звуковые миниатюры действительно превращают фильм в нечто большее, чем обычный костюмный боевик, — и только ленивый рецензент не ухватится за подобное издевательство над благородным жанром.

Однако обещанный подвох в «Затоичи» кроется вовсе не в забавных самурайских плясках. Сочетание бравадных сцен насилия с порциями специфического черного юмора вообще характерно для Китано-режиссера, достаточно вспомнить его гангстерские фильмы вроде «Фейерверка» или «Брата якудзы». Подумав, вставил пару танцевальных номеров в картину, где каждые десять минут кого-нибудь эффектно кромсают: простительная выходка для телевизионного шоумена и пересмешника, чей первой творческой профессией было ремесло эстрадного юмориста. К тому же, если тщательно подумать, даже отбивающие чечетку крестьяне в данном случае вполне уместны: подобным образом ликовали освобожденные от бандитов земледельцы в концовке классических «Семи самураев». Правда, пели они там вполне традиционные народные песни, но что поделать — каковы времена, таковы и музыкальные вкусы.

Если не обращать внимания на музыкальные интерлюдии, окажется, что Китано в «Затоичи» старательно конструирует характерный для подобных фильмов сюжет, в котором плохие люди обижают бедных крестьян, а хороший парень планомерно уничтожает злодеев. Чтобы история не была слишком уж прямолинейной и занудной (не компьютерная игра все-таки), добавлено еще несколько элементов, также знакомых нам по другим самурайским (ковбойским, полицейским) боевикам. В наличии — детективная загадка, поскольку до самого финала так и не понятно, кто же является настоящим главарем банды. Есть мотив странствующего мастера фехтования, оди-

ногого самурая-ронина — на свою беду он оказывается по другую сторону баррикад от ловкого Затоичи. Наконец, не обойдется на вниманием и тема справедливой мести за давние преступления: слепой массажист сталкивается с двумя гейшами, преследующими убийц своих родителей, помогая им найти и покарать обидчиков.

Все приличия соблюдены, трупов — не меньше пяти десятков, негодяи посрамлены, порок наказан. Однако опытный зритель нутром чувствует, что его все равно обвели вокруг пальца. Так и есть. Великое преступление Китано против почтенного жанра кроется в том, что знакомый сюжет о борьбе добра со злом перенасыщен комическими деталями. Лаконочные сцены молниеносной расправы одних самураев с другими соседствуют с откровенным дуракавалянием, причем переход от одного к другому настолько внезапен, что пресловутые танцы с мотыгами всего лишь дают благословенную возможность отдохнуть и от смеха, и от крови. Такеси Китано чередует патетику и смех с виртуозностью опытного шулера, отводя глаза и сбивая с толку. Результатом подобных манипуляций становится полное смещение ориентиров. Смех вызывает то, что смешить не должно, — например, когда один из бандитов, выхватывая меч, в запале рассекает руку своего поделника, публика в зале реагирует с такой же искренней радостью, как и во время выходок приятеля Затоичи, неудачливого игрока и бездельника Синкити.

Такеси Китано сознательно расправляется с жанром самурайского боевика, вытворяя с ним примерно то же самое, что Мел Брукс когда-то сделал с жанром вестерна. Такое впечатление, что знакомая каждому японскому зрителю фигура самого Затоичи для Китано всего лишь удобный повод поиздеваться над каноном. Что может быть смешнее и нелепее героического слепого массажиста, который проводит все дни в игорных домах, да к тому же дерется хоть и эффектно, но вопреки всем правилам (держит меч обратным хватом, устраивает какое-то нелепое жонглирование)? Да еще в довершение к этим несусицам Затоичи у Китано превратился в блондина — какие блондины в средневековой Японии? А если вдруг публика не поймет намека, ей дают совсем уже явный знак: вокруг дома, в котором остановился слепой герой, бегают с дикими воплями и копьём переодетый в доспехи полуголый деревенский дурачок. Комментарии местных жителей недвусмысленны — «в голове помешалось у бедняги, самураем хочет стать». После этой фразы становится понятно, что в самоиронии Такеси Китано точно не откажется.

Такеси Китано: «Я закрывал глаза при слове «мотор» и открывал, когда мне говорили «стоп»

Сегодня состоится российская премьера новой картины замечательного японского артиста и режиссера Такеси Китано — «Затоичи». В сентябре минувшего года Газета стала первым российским печатным изданием, взявшим интервью у создателя фильма. Мы напоминаем самые яркие моменты из беседы Антона Долина с Такеси Китано.

“Часто меч оказывался в сантиметре от моего лица”

Такеси Китано — Газете

Ориентировались ли вы на работы Акиры Кurosавы, с которыми многие сравнивают ваш новый фильм? Я хотел стилизовать две сцены под старые фильмы Кurosавы. Вообще-то костюмером на моей картине была Кадзуко Кurosава, дочь режиссера. Так вот, когда я снимал сцену сражения под дождем, стараясь сделать ее «под Кurosаву», она стояла прямо за моей спиной и мы вместе смотрели на монитор. Я тогда ей сказал: «Кадзуко-сан, эту сцену я посвящаю вашему отцу, его фильму «Семь самураев». И знаете, что она ответила? «Совсем не похоже». Потом я снимал другую сцену, когда деревенский дурачок бежит вокруг дома крестьянки и изображает самурая. Я подозвал ее и спросил: «Кадзуко-сан, а как вам это?» Но, увы, она сказала, что я опять ошибся. Так что я-то хотел сделать как Кurosава, но уж если его собственная дочь полагает, что получилось баракло, мне ответить нечего.

А вы не боялись, что сравнение с Кurosавой будет не в вашу пользу? Не могу сказать, что на меня во время съемок так уж давил авторитет Кurosавы. Я делал совсем другие вещи: я живу в другую эру и принадлежу к иному поколению. В его время было возможно уделять куда больше времени работе над фильмом. Кurosава мог позволить себе быть очень грубым, даже жестоким с артистами. Поступи я так же — актеры бы все разбежались. К тому же если бы я просто шел по его пути, то перестал бы быть собой.

Как вам понравилось играть слепого? Я хотел бы сказать, что мне удалось развить шестое чувство, раз уж я играю слепого, но этого не произошло. Я закрывал глаза при слове «мотор» и открывал, когда мне говорили «стоп», так что я не ходил весь день с закрытыми глазами, входя в образ. Одна из самых больших проблем для меня была в том, что я очень плохо запоминаю свой текст, поэтому всегда прошу ассистентов писать мне слова на больших плакатах и держать перед глазами, чтобы я мог подглядывать. В этом отношении роль слепого для меня просто губительна. К тому же с закрытыми глазами мне было сложно уворачиваться от ударов противника. Так что очень часто его меч оказывался в сантиметре от моего лица.

В вашем фильме много комических сцен. Вы заранее придумывали гэги или это получалось спонтанно? И то и другое. Какие-то сцены мы планировали заранее, какие-то были импровизированы самими актерами. Возьмем, например, сцену, где неумелый Синьити предлагает крестьянам научить их искусству сражения на мечах. Этот эпизод был тщательно спланирован, потому что актерам приходилось выполнять очень сложные движения. Смысл этого гэга заключался в том, чтобы публика смогла понять: все, что персонажи делают, абсурдно и неправильно. Мы были ограничены во времени, и поэтому я поручил постановку этой сцены моему протеже, комедианту актеру. В итоге именно он ставил все аналогичные сцены, многие из которых рождались спонтанно.

Сцены сражения на мечах похожи на балет. Вы их как-то готовили? Сцены сражения на мечах, особенно те, в которых участвует Затоичи, бесконечно далеки от классического искусства ведения боя. Затоичи извлекает меч из ножен в очень специфической позиции, когда рука обхватывает рукоятку не спереди, а сзади. Таким образом он совершает очень неестественное движение при ударе. Мне пришлось много поработать, чтобы привыкнуть управлять с мечом именно таким образом. К тому же меч Затоичи короче обычного меча, поэтому ему приходится атаковать противника с очень близкого расстояния. Так что я внимательно просчитывал расстояние до противника, чтобы все выглядело реалистично, а зритель поверил, что Затоичи действительно мог расчлени врага пополам. Батальные сцены давались нелегко еще и потому, что я играю слепого. С закрытыми глазами следить за расстоянием между собой и противником почти невозможно. И если вы находите, что это напоминает балет, то, наверное, потому, что, сражаясь на мечах, вам, как и в балете, необходимо найти ту единственную позицию, которая не позволит получить травму.